

гребенных в насыпи принадлежали подростковой группе 10–14 лет, около 45,2 % и юношеской, 27,5 %. Доля двух других групп составила около 20,0 %.

Кроме того наблюдается еще одна закономерность, во всех возрастных когортах высока доля безинвентарных погребений, от 31,0 % в юношеской группе до 46,9 % в самой младшей группе.

Наиболее распространенным типом погребального инвентаря в погребениях всех возрастных групп являются сосуды различной формы, более 40,0 %. Доля присутствия курильниц возрастает в двое по мере взросления детей от первой до последней возрастной группы: от 8,6 % до 20,7 % соответственно.

Различные категории вещей, которые попадают в группу украшений (бусы, подвески), также встречаются в погребениях всех возрастных групп, но их доля с возрастом увеличивается: от 2,4 % до 20,7 % (бусы) и от 3,7 % до 10,3 % (подвески) и т.д.

Такой погребальный инвентарь как костяные кольца, костяные трубочки и альчики имеют аналогичное распределение, то есть, доля их увеличивается с возрастом и достигают максимума в погребениях людей юношеского возраста.

Интерпретация вышеизложенного материала позволяет говорить о трех стадиях социализации детей в катакомбном обществе.

1. Младенцы и дети до 4 лет являются социально нейтральной частью общества, поэтому не все дети младенческого возраста и чуть старше представлены под курганными насыпями. Инвентарь, кроме сосудов, в их могилах слабо представлен.

2. Дети от 5 до 9 лет, видимо, уже начинали принимать участие в домашних делах. Об их большей значимости свидетельствует увеличение доли присутствия в их могилах всех категорий вещей, по сравнению с младшей группой, включая инвентарь указывающий на домашние ремесла.

3. В погребениях подростков 10–14 лет отчетливо прослеживается деление уже по половому признаку. Набор украшений девочек схож с женским набором украшений, это бусы, различные подвески и т.д. Возможно, девочки к 15 лет меняют социальную роль, становятся невестами.

4. Что касается юношеской группы 15–20 лет, то она, видимо, представляла уже юных взрослых, так как доля всех категории вещей в их могилах значительно выше, чем в других возрастных когортах. Выше здесь и доля людей с деформированными черепами.

Статья публикуется при поддержке гранта РФФИ, проект № 18–09–00309 «Население степного пространства междуречья Дона и Волги раннего и среднего периодов эпохи бронзы: демографический и антропологический состав, межпопуляционные связи, морфогенетический тренд».

Список литературы

Балабанова М.А. Детские погребения срубной культурно-исторической общности как объект междисциплинарного исследования // *Stratum plus*. 2018. № 2. С. 245–258.

Берсенева Н.А. Возрастная и гендерная дифференциация в обществах Южного Урала II тыс. до н. э. (по материалам погребальных памятников): Автореф. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2019. 43 с.

Корневский С.Н. Детские и подростковые погребения начала медно-бронзового века на примере майкопско-новосвободнинской общности // Самарские научные вестн. 2017. Т.6.

№ 4 (21). С. 124–131.

Пастухова О.С. Градация детских погребений срубной культуры (по материалам курганного могильника Спиридоновка II) // *Известия СамНЦ РАН*. 2013. Т. 15, № 1. С. 200–204.

Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маньча. Т. II. Саратов: СГУ, 1978. 118 с.

Эрднеев У.Э. Курганный могильник Восточный Маньч (правый берег) // *Археологические памятники Южных Ергеней*. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 6–52.

ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ: ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ

© 2020 г. Н.А. Берсенева (bersnatasha@mail.ru)

*Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, РФ
Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, РФ*

Аннотация. Исследование посвящено женским погребениям синташтинской, петровской и алакульской культур эпохи бронзы Южного Зауралья. В докладе предполагается реконструировать гендерные роли женщин изучаемых сообществ и динамику их отражения в погребальном обряде в течение первой половины II тыс. до н. э. Анализ погребальных памятников позволил заключить, что большинство женских социальных ролей, хорошо реконструируемых по данным синташтинского погребального обряда, оказались скрытыми в петровском и, особенно, алакульском, уступив главенство демонстрации гендера и связанных с ним социальных ролей.

Ключевые слова: бронзовый век, Южный Урал, женские погребения, гендер.

Тезис о том, что археологический памятник содержит информацию о социальных структурах и нормах древних обществ в настоящее время уже не подвергается сомнению. Тем не менее, в отечественной науке остро ощущается недостаток подобных исследований, особенно, если речь идет о возрастных и гендерных структурах общества.

В данном исследовании речь пойдет о культурах эпохи бронзы Южного Урала, располагающихся в хронологическом отрезке с XXI по XV в. до н. э. в калиброванных датах. Работа основана на материалах синташтинской, петровской и алакульской культур. Эти культуры представляли собой секвенцию родственных сообществ,

сменивших друг друга на относительно небольшом по археологическим меркам отрезке времени (Краузе и др., 2019), несмотря на то, что прямая линия трансформации синташта-петровка-алакуль кажется сейчас упрощенной и нуждается в корректировке.

Такая ситуация позволяет рассмотреть трансформацию отражения женских гендерных ролей и стереотипов в погребальном обряде от синташтинского общества к алакульскому, и выявить наиболее общие закономерности.

Рассматривая отражение гендерных структур в женских погребениях в их динамике, создается впечатление, что синташтинские коллективы стремились при погребении как можно полнее отразить социальные роли своих умерших (характеристики «социальной личности», в соответствии с Л. Бинфордом) (Binford, 1971. P. 232). В одной женской могильной яме одновременно могут быть обнаружены орудия труда, украшения, предметы быта, артефакты, связанные с производством или обработкой металла, (Берсенева, 2015; Хаванский, 2012; Епимахов, Берсенева, 2016). При этом, инвентарь из женских погребений полностью исключал оружие и основные составляющие колесничного комплекса, тогда как инвентарь из мужских погребений мог включать все категории предметов (кроме, пожалуй, чисто женских украшений – наконечников, но они относительно редки в синташтинское время). Существовала определенная связь между гендером умерших и видами животных, приносимых в жертву. Лошадь чаще ассоциировалась с мужскими погребениями, а мелкий рогатый скот – с женщинами и детьми. Крупный рогатый скот приносился в жертву для обеих гендерных категорий.

В петровской традиции принципы снабжения умерших инвентарем и жертвенными животными меняются, и в первую очередь, это связано с детьми и женщинами. В составе женского погребального инвентаря начинают абсолютно доминировать украшения, комплекты которых становятся сложными по составу и дизайну. Детские погребения приобретают индивидуальный характер и включают лишь посуду и украшения. Мужчины сопровождаются вооружением, предметами колесничного комплекса, реже орудиями труда. Жертвоприношения животных, в особенности целых лошадей, как правило, относились ко всему погребальному комплексу в целом.

В целом необходимо отметить, что в абашевско-синташтинский период в погребениях с помощью предметов в равной степени маркировались оба гендера – мужской и женский, что отличает этот период от последующего – срубно-андроновского.

Алакульская традиция в аспекте трансформации гендерных стереотипов продолжает петровскую. Однако, сопроводительный инвентарь мужских захоронений становится редкостью, из могил почти полностью исчезают орудия труда и предметы вооружения. Находки деталей конской упряжи и, особенно, следов установки колесниц единичны. Акцент переместился на женский гендер, который устойчиво маркировался в алакульских погребениях с помощью украшений. Украшения начинают сопровождать детей (девочек?) с самого раннего возраста. Жертвоприношения животных сводятся к минимуму, и на ряде памятников они почти не представлены.

Таким образом, в срубно-андроновский период в погребениях маркирован лишь женский гендер, при

этом главным маркером выступают украшения. Налицо трансформация гендерных стереотипов, отраженных в погребальном обряде, для зауральской линии синташта-петровка-алакуль. Для противоположных концов этого спектра (от синташтинской культуры к алакульской) очевидно, что принципы снабжения погребенных предметами, отражающими их гендер и социальные роли, меняются кардинально. Объяснить подобную смену непросто.

Экономическая основа жизнеобеспечения коллективов если и изменилась в течение указанного периода, то незначительно (Епимахов, 2003. С. 88). Скотоводство, металлургия, в меньшей степени охота, рыболовство и собирательство определяли образ жизни населения на протяжении всей эпохи бронзы. Изменилась система расселения – крупные синташтинские укрепленные центры сменились небольшими поселками и претерпел некоторые изменения характер скотоводства (увеличилась доля МРС в составе стада). Таким образом, занятия людей должны были остаться в целом прежними, чему существует немало подтверждений, если рассматривать материалы поселений. Орудийный комплекс эпохи бронзы представляется почти идентичным или, как минимум, очень близким, для огромных территорий от Западной Сибири до Восточной Европы.

Гендерное разделение труда в традиционных обществах обычно диктуется экономической основой хозяйства (в данном случае – скотоводством) и образом жизни (оседлым), которые в исследуемый период значительно не изменились. Мы можем вполне логично предположить, что мужчины занимались трудом, требующим больших физических усилий и подвижности – выпасом скота, строительством, охотой, добычей и обработкой металла. Женщины, вероятно, были заняты домохозяйством, присматривали за детьми, шили, ткали, готовили еду, изготавливали посуду (Берсенева, 2015). Возможно, они также ухаживали за молодняком (телятами, ягнятами и т.д.). Снова, мы можем найти этому подтверждение в материалах синташтинских могильников. Женщины и дети, кроме того, могли помогать мужчинам с выплавкой металла, в ремонте жилых строений и оборонительных сооружений, и в других видах деятельности. В традиционных коллективах, девочки обычно помогали матери или другим родственникам женского пола, а мальчики – отцам. У нас нет оснований предполагать, что в коллективах эпохи бронзы возрастное и гендерное разделение труда осуществлялось иначе, и погребальный инвентарь в могильных ямах синташтинской культуры подтверждает эти тезисы.

Причины изменений в принципах снабжения инвентарем умерших разного гендера, следует, вероятно, искать, не в смене гендерных ролей или серьезных изменениях в образе жизни, а в идеологической сфере. Погребальный инвентарь в данном случае позволяет утверждать лишь то, что алакульских женщин было принято хоронить вместе с их украшениями, которые являлись яркой манифестацией их гендера, остальной инвентарь, кроме посуды, был необязателен. Не следует забывать, что погребальный обряд не отражает напрямую реалии жизни, а лишь представления общества о том, каким образом покойный должен быть подготовлен к переходу и отправлен в мир иной. Мужчин алакульское время хоронили с крайней простотой, женщин, напротив, в праздничном наряде. Та-

ким образом, большинство женских социальных ролей, хорошо реконструируемых по данным синташтинского погребального обряда, оказались скрытыми в петровском

и, особенно, алакульском, уступив главенство демонстрации гендера и связанных с ним социальных ролей.

Список литературы

Берсенева Н.А. К вопросу о социальных ролях женщин (синташтинская культура Южного Урала) // Человек и Север: антропология, археология, экология. Мат-лы Всеросс. конф., Тюмень, 6–10 апреля 2015 г. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 92–94.

Епимахов А.В. Анализ тенденций социально-экономического развития населения Урала эпохи бронзы // РА. 2003. № 1. С. 83–90.

Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Металлопроизводство, погребальная обрядность и социальная идентичность (синташтинские древности Южного Урала) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 1 (44). С. 65–71.

Краузе Р., Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Новиков И.К., Столярчик Э. Петровские памятники бронзового века: проблемы таксономии и хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. № 47/1. С. 54–63.

Хаванский А.И. Особенности половозрастных традиций синташтинского погребального обряда // «Кадырбаевские чтения – 2012». Материалы III Междунар. науч. конф. Актобе, 2012. С. 120–128.

Binford L.R. Mortuary practices: their study and their potential // *An Archaeological Perspective*. New York: Seminar Press, 1971. P. 209–243.

УНИКАЛЬНЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ БРОНЗЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СИБИРИ

© 2020 г. В.В. Бобров (*klae@kemsu.ru*)

*Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, Кемерово, РФ
Кемеровский государственный университет, Кемерово, РФ*

Аннотация. Научному сообществу представлена характеристика своеобразного погребального комплекса, состоявшего из восьми квадратных площадок, ограниченных рвом с входом и выходом на противоположных сторонах (могилики Танай-12, Кузнецкая котловина). Захоронения произведены в центре, около рва (внутри) или во рву. Обряд и погребальная практика имеют широкий круг аналогий. Поздние из них относятся к культурам сейминско-турбинского времени.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Южная Сибирь, погребальный обряд, некрополь.

В археологии Сибири многие проблемы обусловлены неравнозначной представительностью видов исследованных археологических памятников. Хорошо известно, что характеристика культур, на которых создана первая периодизация эпохи палеометалла Южной Сибири, основана на материалах только погребальных памятников. В бассейне лесостепного Приобья известны культуры, выделенные по материалам только поселений (большемысская, самусьская). И это состояние сохраняется до настоящего времени, несмотря на выявленные единичные захоронения. В данной ситуации открытие так называемых «атипичных» памятников приобретает повышенный научный интерес.

В начале первого десятилетия XXI столетия на площади некрополя Танай-12 (Кузнецкая котловина, Ново-сибирская обл.), содержащей захоронения андроновской, постандоновской и ирменской археологических культур, был исследован небольшой, но компактный комплекс из восьми погребальных сооружений (Бобров и др., 2002, С. 229–233), расположенных в два ряда очень близко друг к другу (в некоторых случаях ров одного перекрывает ров другого сооружения). Особенность их состоит в организации сакрализованного пространства прямоугольной формы, ограниченного рвами. В середине северо-восточной и юго-западной сторон рвы не сомкнуты, т.е. сооружения имели вход/выход.

Всего исследовано 18 погребений, расположенных как внутри сооружений, так и во рвах. Погребения совершены в неглубоких узких грунтовых ямах овальной или подпрямоугольной формы (короткие стороны округлые, а длинные прямые). Размеры могил зависели от возраста

погребенного. В единичных случаях выявлена конструкция в виде рамы на дне могилы и намогильное перекрытие из дерева, а также каменная бессистемная кладка над могилой во рву, в которой похоронен взрослый человек. Наконец, в могилах для захоронения взрослых людей выявлен незначительный пологий материковый уступ в районе размещения головы, так называемая «подушка».

В большинстве могил было произведено захоронение только одного человека. Погребение двух взрослых людей в одной могиле представлено единичным случаем. Исключение составило одно сооружение, в котором было похоронено двое взрослых. Неординарным также выглядит захоронение в одной могиле сооружения № 7, которая была расположена во рву. В ней ярусно были помещены трое детей. Захоронение производили по обряду ингумации, в вытянутом положении, на спине. Только захоронение, произведенное во рву шестого сооружения, отличалось положением. Умершего взрослого человека поместили в могилу в вытянутом положении на животе, с согнутыми в локтях руками. В большинстве могил не у всех скелетов сохранился анатомический порядок. Можно полагать, что в погребальной практике этнокультурного образования, оставившего этот некрополь, существовал обычай вторичного захоронения. Можно предполагать, что в процессе захоронения умершего укладывали в могилу головой преимущественно на СВ (7 случаев из 12 достоверно установленных). Трое погребённых были ориентированы головой на С (один из них с отклонением к западу), а один - на СЗ.

По компонентам обряда погребения, характеру и соотношению сопроводительного инвентаря комплекс имеет